

**Смакуя
каждое
МГНОВЕНЬЕ...
Иоланта Сержантова**

Иоланта Сержантова

Смакуя каждое мгновение...

<https://litres.ru/74296687>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-00279-220-07

Аннотация

Юбилейный, шестидесятый сборник автора, составленный из новелл, эссе и рассказов, каждый из которых о насущном - о любви к Родине, об уважении к её природе, о людях, которые думают о других больше, чем о себе. Автор пишет в жанре экзистенциальной прозы, вычлняя в жизни главное без пафоса, не назначает себя авгуром, но вынуждает понять, что хорошо, а что плохо.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Иоланта Сержантова

Смакуя каждое мгновенье...

Месяц

Я вышел из дому не за делом, но по обыкновению поздороваться с луной или её братом-близнецом, месяцем, чей там теперь был у них черёд я особо не разбирал, и, — о, чудо! — выбравшись из-под пухового одеяла облака, с краю кровати неба сидел себе, покачивая ножкой месяц. И... он не сверкал нынче, не сиял, но словно ошетинился коваными доспехами из ровных остроконечных пирамид лучей. Их было ровно четыре.

Похожий на розу румбов, морскую розу или розу ветров¹, месяц был куда как скромнее её букета и вычурных очертаний, приятнее сердцу и взгляду, более к месту, уместнее для той местности, над которой изволил почивать.

Отливая серебром, братец месяц, тем не менее, проявлял несомненное лукавство, притворяясь обыкновенным. Он не желал виниться в чуде, и без зазрения совести светил, сиял, лучился, а за ним, с ним заодно, и вся округа, ибо неведомо

¹ символ в картографии, обозначающий основные географические азимуты сторон света, используется с XIII века; распределение ветров по сторонам горизонта

было никому, доведётся ли ещё когда встретиться взглядом с подобным, но то что николи прежде, то уж без сомнения.

Тем вечером месяц был похож на себя менее, чем когда-либо прежде. И всё же, он был так изумительно схож с тем, которым представляется добродушному, но взыскующему прекрасного обывателю в безлунную ночь. Месяц казался будто срисованным с детского сна, что просочился сквозь веки со слезою радости и не успел сбегать ручейком на измятую щекой подушку.

...Я вышел из дому не за делом, а просто, — пожелать доброго вечера луне.

Анабиоз

*В состоянии анабиоза
жизненные процессы земноводных
замедляются до бесчувствия...*

Интерпретация термина автора

Обессилен день, занемог, оступился, уронил себя на сдвинутые в угол сумерек стулья. Грозили ему наказанием недолго, не то до закатного часу, не то раньше, да пожалели за неловкость, заодно и за облако, что зияло синяком во всё небо — от ободранной о крону леса коленки горизонта до стекающей в беспечность легкомысленного «когда-нибудь»

дороги, что тает в недостижной² никогда дали.

Ласточки скатываются с горы полёта в низину просвета промеж деревьев, приоткрыв в улыбке клюв, заодно услужливо набивают его докучливой мошкаррой, комарами, что вялы в свой черёд. Ошалевшие из-за аромата разнотравья, в полушаге, в полувзмахе крыл от дурноты, им почти всё едино — в чью пасть попасть. Полно, впрочем. Так ли уж всё им равно?..

Разумно до бессердечия распорядилась нами природа. Всяк всякого поедом ест. С улыбкой ярости, сокрушаясь и страдая, сокрушаем, сводя на нет судьбы друг друга.

Сошёл за ночь синяк облака, а наутро, когда колодец исходил паром, обещая зной, лягушки одна за одной проклюнулись из воды пруда, будто из бутона, и, споро перебирая ластами, словно летняя, вылинявшая на солнце ребятня, подплывали поближе и с умильным выражением вопрошали:

— Ну, как вы тут? Как вам здесь было без нас?

— Таки дурно! Дурнее некуда! — искренне вопили мы, а лягушки ласково, будто старушки, внимали вырвавшейся наружу тоске и вполне довольные ответом, то ворковали поголубиному, то мяукали нежно. Ибо и мы им чудились, снились, казались в их ледяном бесчувствии, что бы там про это

² недостижимый

ни говорили учёные мужи.

...Обессилел день, занемог вечером... ввечеру...

Аист

Гнездо аистов на крыше дома - к счастью...

Народная примета

Аист ходил широким шагом, будто классный наставник, что втолковывает недорослям понятные всем, кроме них правила. Не менее схож аист и с профессором, что, заложив руки за спину, мерит шагами учебную комнату, и обращаясь в сторону привычной к словесным баталиям кафедры заместо оппонента, вслух обдумывает нечто важное, вкладывая в каждый шаг новый довод, куда как весомее прежнего.

Из-за увлечённости не замечает он хихикающих подле школяров, недоумевающих, пожимающих плечами коллег и растерянности молодой супруги в дверях, что соскучившись принесла ему узелок с куском домашнего пирога, а теперь стоит и не понимает — то ли окликнуть уже супруга, прервав неловкость, то ли ворочаться домой к маме, которой уж точно повсегда есть до неё дело.

Впрочем, в девичестве маминого внимания ей и так ча-

сто бывало чересчур, так что в своём маленьком хозяйстве желается собственного порядка, без оглядки на хотя и родное, но чужое «хорошо» или «плохо», а посему... Набравшись духу, учительша³ подходит к распалившемуся, разгорячённому от раздумий супругу и тронув его за рукав, просит идти за нею на квартиру, где к приходу хозяина давно уже готов и стынет обед.

По дороге домой супруги молчат, не мешая думать друг другу. Он — про её деликатность, она — об науке, в которой мало что понимает, но тщится понять, дабы не оказаться в один миг ненужной и неинтересной мужу.

Дорога сыра после ночного ливня, на обочине в ряд — словно выкрученные вручную мокрым бельём стволы. И тут же, понавдоль, по траве прохаживается аист. Временами он останавливается, дабы приглядеться к чему-то под ногами, и идёт дальше. Лягушки от греха подальше, под покровительством плотного занавеса ливня, уже перебрались на время в ближайшую канаву. Полная воды, она, само собой, не пруд, не река, но ничего, покуда, до срока, сойдёт и так. А аист... пусть себе ходит, где ходил, мешаться у него под ногами нет нужды ни лягушкам, ни кому-либо ещё.

— Надоест же ему когда-нибудь?.. — прерывает молчание супруг.

³ жена учителя

— А как же! Надоест, дай только срок. — рассудительно соглашается жена.

— И долго ждать? — продолжает расспросы супруг, лишь дабы услышать звук бесконечно милого ему голоса.

— Таки до осени, не дольше. — с охотой откликается жена и добавляет, — По обыкновению...

— По обыкновению... — эхом откликается супруг и кивает не одною только головой, но всем своим существом, отчего вновь делается похожим на аиста, который провожает их почти до самых дверей дома, на крыше которого который уж год вьёт своё гнездо.

На грани...

Я помню его суровым, стройным, в распахнутой ветром шинели. Со смеющимся, искрящимся лукавством взглядом, преувеличенным очками. В плащ-палатке, с которой стекает вода на вязаный коврик в прихожей. С рядом орденских планок на пиджаке, что подчёркивали торжественность неизменной минуты молчания в майский победный день.

Дед. Я часто вспоминаю его с собакой на поводке и сжатой в руке тростью. Но никак не могу припомнить того её стука по ступеням, хотя саму руку, обветренный на ветрах времени кулак с шелушащейся кожей ...его запомнил навечно. Дед багровел, потрясая тем кулаком, когда слышал про бесчинства и коварные планы немцев, о которых сообщали

ровными, бесстрастными почти голосами дикторы программы «Время».

Дед был родом из обыкновенной в ту пору многодетной семьи, раскулаченной по причине всегдашнего крестьянского трудолюбия и дотошности. Из семьи, где двенадцать братьев и сестёр со родителями работали от зари до зари на полях, да кроме того имели собственную мельницу и прессы для выгонки подсолнечного масла.

Когда семья лишилась своего просторного дома, разъехались чада кто куда, по городам и весям. Не в одночасье, впрочем, и не потеряли друг друга из виду вовсе, но всё же... Жила-была семья, полным лукошком, да просыпалось то лукошко, хватило каждому по республике от большой страны, ну и ещё осталось маленько.

Про многих известно, про каждого ведомо, особенно про деда.

В послужном его списке числится служба, работа в школе. Во время учёбы в химическом техникуме он напросился на практику в Ленинград, где каждый день после звонка и всё воскресенье прогуливался по Эрмитажу. Насыщался прекрасным, беседовал со служительницами, которые хорошо помнили то время, когда находились фрейлинами при дворе Государя Императора.

Фотографическая память вкупе с энциклопедическими знаниями, — не от того ли деду прочили большое будущее? Но июнь сорок первого подвёл черту планам и мирной жизни. Он же разделил людей на тех, кто не делает отличий между защитой семьи и Отчизны, и теми, прочими, с короткой на всё памятью обывателя⁴.

Уходя на фронт, дед оставил жену с четырьмя детьми: трое своих, младшей из которых не исполнилось ещё и месяца, да племянница, дочь арестованной по ложному доносу сестры.

На одной чаше весов расположилась основательная по всем статьям бронь и тревога за близких, на другой - совесть. «Что я потом скажу сыну?» — только и смог сказать дед жене на прощание. Один за одним уходили в вечность годы войны. Дети торопились научиться читать и писать, чтобы самим писать письма отцу на фронт. Ждали, каждый по-своему, и дождались.

Мать рассказывала: «Помню, сижу на крыше школы, а по двору идёт красивый молодой папа домой... с войны.»

Она не говорила о том, как пряталась под столом от бомбёжек, и как едва не умерла в июле сорок первого от крупозного воспаления лёгких. Кулёчек сахара вытребованный

⁴ Тот, кто лишён общественного кругозора, отличается косными мещанскими взглядами, живёт мелкими, личными интересами

бабушкой в райкоме, спас её, двухмесячную. Но вот «красивый молодой папа с войны...» Это воспоминание не избыть из памяти нечем и никогда.

После Победы дед перевёз семью по месту службы в Германию, и через годы прожитые там, когда уже казалось — всё, довольно, — посылал рапорт за рапортом, с просьбой вернуть его на Родину, но раз за разом получал отказ, потому как нужно было кому-то наводить порядок и отстраивать разрушенные города. Ибо совестлив русский человек. И прежде, чем поднимать свою страну из руин, он протянул руку, помогая подняться, встать на ноги поверженному врагу.

То - судьба русского народа, что повсегда на грани безрассудства и благородства.

...Дед. Я помню его входящим в дом с улицы. Запотевшие стёкла очков, сбегающие по плащ-палатке струи дождя. Они собирались вокруг его сапог в тесной прихожей, будто невыплаканные за всё про всё слёзы. А бабушка вздыхала тихонько и шла за тряпкой, дабы молча вытереть пол...

В хрустальной вазе рассвета...

Ласточка сорвалась ввечеру с гнезда у двери и спросонок

задела крылом, едва ли не по носу щелчком. Выправилась на лету, провела по волосам нежно. Чиркнула своё неизменное «Прости...» и вернулась, присела на край колыбели, принялась баюкать детушек малых, что растревожились в тесноте разрисованных яиц, как в пелёнках. Изнутри написанного⁵ покуда не увидеть, а с острого конца, поверх скорлупы, начертано тонко да густо, с тупого — тят-ляп⁶, небрежно, хотя не от нерадения, но от слабости. Поди, натаскай пятьсот щепотей багна⁷ ко гнезду, поневоле притомишься⁸.

Обвисли серёжки колокольчиков, как серьги петушка. Стушевались сумерек, поникли. Ржавый от заката горизонт чуть загорожен лесом, что поёт на разные голоса, дышит душно цветами пастушьей сумки. Их, мелких, не прячут промеж страниц, из них не собирают букетов и не ставят в маленький фарфоровый кувшин на бюро у изголовья. Оставляют расти до поры.

Небо густо намазано рыхлым смальцем тучи. Понавдоль дороги, из стороны в стороны — ласточки. Ластятся то к

⁵ пигментированные пятна яиц ласточки находятся не только на поверхности, но и в толще скорлупы

⁶ коричневые, ярко выраженные точки с острого конца яиц ласточки, с тупого конца имеют рисунок более бледный и размытый

⁷ грязь, болото, низкое, топкое место

⁸ для построения гнезда ласточки требуется, помимо перьев, волос, соломы и пуха, от 400 до 600 комков грязи

земле, то к небушку. А по обочинам дороги — выкручены, перекручены ветром стволы, заломлены бурей плечи, будто сломлены.

Но всё одно - скоро быть лесу в хрустальной вазе рассвета. Не миновать ему того, не избежать.

Шаги лета

Утренняя спросонок неразговорчивость куда как красноречивее сумеречной болтливости с деланной весёлостью. С утра ты как бы весь в себе, и в тот же час открыт, незамысловат, слегка неловок, и тем понятен, и от того. Что называется — как на ладони, ну и чист заодно, аки младенец, наивен, готов разделить тревоги, выслушать, услужить... Не выслужаться! Но улыбнуться одобрительно, поддержать под локоток оступившегося, поднести нагруженную не для тебя сумку до вагона, а то и заволочь её по ступеням в тамбур, невзирая на больное колено. А на благодарное и суетливое: «Ой, спасибо вам большое! Да вы уж ничего, идите, дальше я как-нибудь сама, не то из-за меня на свою электричку опоздаюте...» — отвечается важно, на полном серьёзе, будто сам начальник всего, какого ни на есть движения:

— Без меня не уедут, успею!

Мы, утренние, куда как добрее, нежели в прочее время, и замечаем вокруг то, что не глядя почти, рассеянно пропус-

каем впереѐд себя в иной час.

К примеру, — как зреет лето в мелких бутонах разнотравья. Мужает в темноте гнёзд, и вот-вот ещё денёк и станет округе мал сюртук весны. Тот яркий, модный, в коем всё слишком, всего чересчур: и карманы придорожья излишне глубоки, отчего в них много таится всякого, лишнего, на первый взгляд.

Ливень, что перелился через край весны в лето, попортил дорогу, и ты, утренний, спотыкаешься с непривычки. Вывороченные колёсами камни дороги в перемену с вымытыми дождём заставляют проснуться и внимательнее глядеть себе под ноги.

Подумаешь, какой пустяк .— не на месте, не прежним привычным порядком булыжники, да кажется оно, что всё одно — непорядок. Это почти, как не на месте душа. Той также бывает неловко, как теперь шагать.

Ласточки межут путь, тянут невидную нить над тропинкой. Рыжая тень метнулась через дорогу. Испугалась и напугала неожиданностью сама. Шаги лета всё шире, всё чаще, долго добиралось оно до округи, но вот уже, кажется, наконец, и дошло.

Классная дама

— Сколько у вас учебных часов в неделю?

— Тридцать шесть.

— Ничего себе! В дореволюционной России было положено двенадцать, но не больше двадцати четырёх. А ещё ж и тетради...

Тяжело, наверное, носить?

— Проверяем теперь в школе.

С тетрадями домой можно принести что угодно, так что...

— От греха подальше?

— Примерно так!

(Из беседы автора с педагогом средней школы)

Классная дама прошлого... Платье синего цвету⁹, гладкий зачёс волос с выбившимся у виска локоном касается белого кружевного самовязанного воротника до середины плеча. Плотные нарукавники для сбережения манжет, много мелких пуговиц, которые, кажется, утомишься высвобождать из петель, да и бросишь, ну и круглые носки начищенных ботинок, что выглядывают из-под подола при ходьбе по школьному коридору. Под мышкой связка книг, квадратная палочка для разлиновки тетрадей и указка, из удобства спрятанная в бумажный свёрток наглядного пособия к уроку естествознания.

⁹ учительницы школ и гимназий 19 века не имели определённой формы, как мужчины-педагоги, но им предписывалось ношение платья синего цвета

Классная дама прошлого не гнушалась никакой работой, будь то приходящие ученики или визиты к ним домой. Для продержаться без жалованья до начала учебного года, работала она и в конторе, и в поле. Ей не привыкать! Нешто есть что потяжелее проверки тетрадей!

Классная дама помоложе надсаживаясь тянет тетрадки на квартиру, дабы заняться ими, не отвлекаясь почти от домашних дел. Да только вот... Покуда до них доходит дело, уже глубоко за полночь. И хотя бы даже при казённой свече и керосине, а слипаются глаза, нету мочи разбирать каракули.

Проверка тетрадей сродни гаданию на кофейной гуще. Не знаешь, что тебе выпадет. Бывает, откроешь по загнутой ненарочно странице, а оттуда таракан. Не успеешь прихлопнуть, измучаешься после выводить, гнать непрошенного гостя со товарищи. Поневоле оставишь сие бумажное занятие для казённого дома.¹⁰

Классная дама. Она видит каждого насквозь. Через разноцветные окна распахнутых навстречу ей глаз рассматривает пристально, что там, за душой. Сопереживает бесхитростным метаниям чистой души, замечает уловки с рождения лукавой, что не от хорошей жизни ловка, но по причине понимания собственной слабости, желания выстоять, выжить, выбиться в люди, пройти...

¹⁰ дом, учреждение, находящееся на попечении государства, вт.ч. школа

А достойно, плечом к плечу или по головам, — тут уж сколь у классной дамы хватит запалу растолковать разницу промеж честью и бесчестьем, подать пример, что часто с самой жизнью вразрез.

Да что она, жизнь, кроме как забава над нами того, кто повсегда всё знает про нас лучше нас самих.

А делов-то...

Измученный совестью, я не спал до той самой минуты ночи, когда месяц, притомившись слышать мои стенания, не скрылся за плотным кружевом абриса леса, будто за воротом ночной сорочки, в которую всякий раз наряжалась округа за ширмой сумерек. Сон приходил, трогал рукою мой лоб, не давая поднять голову с подушки, а совесть, что шурилась до того времени в темноту, металась промеж постелью и окном, возвращалась, после чего без церемоний укладывалась подле, обнимала немытыми руками крепко, льнула всем своим холодным телом, чем будила, отчего казалось, будто я ни на минуту и не засыпал.

Отстраниться от назойливости совести казалось невозможным. Проще было встать, одеться и уйти из дому самому, чем выпроводить незваную, нелюбимую никем гостью. Предпочитая экивокам прямоту, а правду лижи, она была повсегда неудобна. Известная же ея навязчивость походила

на наваждение.

Покуда совесть жила где-то там, вдали, заражая непокоем других, и дышалось легче нынешнего, и сердце билось ровнее, и не обнаруживалось той саднящей унылости, когда тебе стыдно за устоявшийся, нелегко и недавно устроенный, шаткий по всем статьям, непокойный, в общем, покой.

И вот, когда совесть уже вовсе избыла сон, и устроившись на табурете напротив, глядит на тебя с укоризной исподлобья, ты, понимая способ, чем и как её утомонить, всё же не двигаешься с места, но сидишь, свесивши с кровати ноги, позволяя сквозняку без помех касаться твоих ног ледяными ладонями до бесчувствия.

А делов-то, как говорится... Некто скинул молодого пса из тамбура проходящей мимо электрички, и он теперь хлопчет перед людьми, заискивает наивно, надеясь прибиться хотя к кому.

Совершенно определённо понимая, что тебе его некуда, нельзя, и своею жалостью обрменишь не себя, но тех, которые из любви к тебе возьмут на себя бремя забот... И это лишь малая часть причин, и все объективные, но ни одной честной. По чести.

Я малодушно сторонился пса, не давая ему себя коснуться, пинал совесть, загоняя её на её место, в дальнем затыкну-

том паутиной осторожности углу души, не давая ей обнаружить себя.

Никто не желает себе лишних забот. И я заранее тяготился ими, призывая на подмогу рассудок, кой, ведая про истощившиеся силы и скромные средства восполнить их, соглашался со мной охотно. Но... Как бы то ни было, я оставался кое-как сыт и в тепле, тогда как тот, из-за кого я исстрадался столь лицемерно, мёрз где-то неподалёку, подобрав под впалый живот ноги, и спрятавшись под прикрытыми веками от моего малодушия, преисполненный добродушия и доверчивости к человеку, рвал мне сердце на кровавые куски.

Птичий двор

Утирает ласточка клюв о листочек веточки, на которую присела, будто купчиха платочком губки. И та поджигает их жеманно, и эта не прощёт. Только ласточка всё сама, сама, а у купчихи из забот — кланяться, почитать, причитать к месту да слушаться.

Овсянка раскачивается на гибком стебле хмеля, как воздушный гимнаст из шатра шапито, а то на проволоке под куполом неба.

Задорно, с неким вызовом поглядывает овсянка на округу, и мерно, мирно, степенно: то приближается, то отдаляет-

ся от неё. Точно так проводят на качелях время дети, которым нечем заняться, или в ожидании товарища, пока тот дометёт наскоро пол по наказу матушки, загонит пыль под кровать и половичок, ну и выбежит поскорее довольный, что освободился.

Мать, понятно, и под кровать заглянет, и под коврик, и уши после надерёт, и заставит переделать работу. да то уж всё после, а пока... Свобода! Беги, куда хочешь. Вот и бегут, через крапиву и кусты.

Спугнули птицу. Ни пёрышка не осталось, ни пушинки, и не прознать про то, что она тут некогда была. Лишь стебель хмеля, не сумевший не перенять движения, убаюканный им, трепещет ещё несколько и замирает изогнувшись по-змеиному, готовый ранить всякого, кто осмелиться сделаться ему ближе, чем он располагал¹¹.

Жизнь, любая, чья угодно — ежемесячный журнал, полное и неполное собрание сочинений, для младших школьников или учащихся старших классов, для тех, у кого есть охота «почитать что-нибудь», с картинками и без... Но с всегда грустным... навеки грустным концом.

Каждый по-своему...

¹¹ предполагать, хотеть

Уходя на службу, дед не просто так оставлял жене заряженный револьвер, не для голубей, что были съедены давно...

В любое, самое тревожное и недостойное вечности время, встречаются достойные люди. Мой дед отказался быть в расстрельной команде, но, вместо быть поставленным по ту сторону «тира», вместе с семьёю был переведён в Вильнюс, на борьбу с «Армией Свободы Литвы».

«Зелёных», как они именовали себя сами или приснопамятных¹² «Лесных братьев», как про них говорили другие, по устоявшейся привычке баламутить воду, прикармливали соседи с запада, направляя судёнышки с вооружением в тесные бухты Балтики.

Велеречив, как правило, тот, кто не знает всей правды. Прочие молчат, сомкнув уста, но не от того, что нечего сказать, а дабы не мешать¹³ всё в одну кучу, не мешать¹⁴ людям видеть светлые стороны жизни, ибо с тем дурным, что ни на есть, они неизбежно встретятся когда-нибудь и так.

Так пусть не от них скажется¹⁵, скажется¹⁶ не на них, пусть

¹² забываемое, заслуживающее вечной памяти, нол с оттенком иронии

¹³ смешивать, перемешивать одно с другим

¹⁴ быть помехой

¹⁵ быть произнесённым, сказанным

¹⁶ проявляться, обнаруживаться, давать о себе знать

как можно дольше остаются в неведении, вдали от страхов, пережитых другими. Довольно того трепета за близких, что передаётся из рода в род, как карточка, вырванная из альбома и спрятанная на дне сундука под стопкой белья под требовательный стук открыть дверь в последнюю минуту пред-
рассветного часа.

Что знаю я о тех годах? Да почти что ничего. Нас, детей, берегли от нечаянного зла, а опасаясь, сберегаясь от нашей наивности, взрослые замолкали, едва мы заходили в комнату или переводили разговор на понятное, чем разочаровывали, отчасти притупляя бдительность и простительное детское любопытство. Впрочем, тех обрывков подслушанных разговоров вполне хватило, чтобы понять о близких людях главное, — силу их духа, крепость, качество, наличие примесей человеческого литья.

Дед с одной стороны¹⁷, бабушка — с другой. Та приютила племянницу, невзирая на клеймо врага народа, что преследовало малышку. Бабушка заведовала школой, но вставала пораньше, отмыть помои, коим поливали её крыльцо него-
дующие в адрес племянницы соседи, после чего собирала её на занятия вместе со своею дочкой.

Сколько хороших, достойных памяти людей встречаются

¹⁷ имется в виду степень родства - по материнской, либо по отцовской линии

нам в дороге судьбы... И всякий щедро делился днями, мгновениями своей жизни, самым дорогим, что есть у человека - временем. И дорожили они, каждый по-своему.

Непокой

Золотые маковки церквей, отмытые пеной облаков, парят на растяжках солнечных лучей. Маки вдоль дорог трепещут на ветру алыми знамёнами. То пора летних рассветов, что в ряд и теснят закаты, наступая им на пятки. Едва наполнится блюдце горизонта малиновой их сладостью, как нападает уже зябкая зевота рассвета. Будит, светит в глаза, мешаясь со сном, покуда вовсе не спихнёт с кровати. А куда, зачем? И кажется, что ещё бы поспал, да совестно тратить светлые часы на небытие, и выдумываешь себе занятие, одну траву топчешь, другую рвёшь из земли, будишь разленившихся в этот час комаров.

Ступни травы худы, холодны, белы и босы. Войдя в раж, добираешься до цепкой лианы хмеля, что незваной прокрадась в сад. И тянешь её, беспутную, путаешь, понимая, что всё это ненадолго, путного из того не выйдет ничего. Только поранишься да осерчаешь, так, что едва не рухнешь навзничь, придавив страдающего бессонницей хруща¹⁸, что не

¹⁸ хрущ не спит в обычном понимании этого состояния; днём малоподвижен, пик активности на сумерки и тёмное время суток

летел, но надвигался всею своей мощью на отцветшую вишню, коей так недолго забавлялась округа.

Бросив занятие, отправляешься домой досыпать. мимо шмеля, что треплет мак по загревку, да никак не может насытиться его глубиной и цветом, той роскошной на всё про всё чернотой¹⁹, недоступной человеческому глазу. Не умея рассмотреть красное, он видел красивое, умел скорее отличить добро ото зла на лету, нежели в покое²⁰

Непокой, он не для всех, хотя предрассветный, хотя какой-нибудь иной.

Неоплаканный

Говорят, что про слабость потомков супротив предков всё врут. И Платон²¹ врал, и мы по его примеру. И что оно из зависти к их будущему, что у самих давно сделалось прошлым. Так ведь не всё ещё, не вовсе, чего ж зря глаголить?!

Это как писатель ничего тяжелее ручки в руках не держал, по мнению прочих, так и читатель, помимо как вертеть стра-

¹⁹ шмель не видит красного цвета

²⁰ скорость обработки зрительной информации шмеля в полёте на 20% выше, нежели в покое

²¹ Платон полагал падение нравов причиной деградации государственных форм

ницы намусоленным пальцем не годен ни на что. Но, кроме шуток, когда уж один на один, без посторонних, кому, кроме на всю голову довольных собой, не мечтается быть заметнее прочих.

И сидит эдакий, бывалый в мыслях, раскрасневшись, пожиная плоды несделанного. Упивается, гордый, возвысившийся над прочими. Хотя, как сидел сиднем, так и сидит.

А есть иные, которые, жизнь свою не ставя ни во что, поступками мостят судьбу, не почитая это заслугой, принимая за должное, обыденное, да всё из ряду того, о чём другим и помыслить не дано.

Мы всё про прежнее, давнее, случившееся, бывшее, но не поросшее ещё быльём. Потому как есть ещё те, кто помнят, а значит, — не след таиться, но передать дальше, поведать про мальчишку, что в Великую Отечественную, в свои двенадцать лет остался в семье за старшего. Не пожелав оставаться в Воронеже под фрицами, перевёз мальчишка зимой 1942 своих женщин в Усмань, что нынче относят к Липецку, а в те годы была частью Воронежской губернии. Распорядившись насчёт огорода, взял на себя заботу собирать уголь и в любую погоду шёл с ведром вдоль путей, подбирая выпавшие из железнодорожных вагонов угли. Усмань-Графское-Усмань, каждый день, каждый Божий день по ведру.

Однажды, присев в Графском передохнуть, он услышал от

знакомого, что в Воронежской Отрожке тот встретил умирающего в госпитале отца. И, не думая ни минуты, мальчишка отправился туда, также пешком. Ему хотелось повидаться с отцом напоследок. Тридцать вёрст²² с одной лишь надеждой не опоздать.

В тифозный барак, из которого вперёд ногами вынесли отца накануне, мальчишку не впустили. На вопрос: «Где?!!» кивнули в сторону ямы от авиабомбы, куда сносили скончавшихся от ран и тифа бойцов. Постояв на краю ямы, сквозь собственные скупые от усталости рыдания, мальчишка услышал стон, в котором узнал родной, знакомый с рождения голос отца. Выкопав руками едва живого родителя, он взвалил его себе на плечи и понёс.

— Потерпи. Скоро уже, а там — всё будет хорошо... — подбадривая то ли себя, то ли отца, шептал мальчишка всю дорогу до Усмани.

Жаль, недолго пробыл он сыном, вскоре вновь стал главой семейства. Но не остался отец безымянным, неоплаканным, безвестным, ничьим.

Говорят, про слабость потомков супротив предков всё врут. И Платон²³ врал, и мы по его примеру, и те, которые

²² 33 км

²³ Платон полагал падение нравов причиной деградации государственных форм

после нас, тоже непременно сокрут. Ну и пускай, лишь бы было б кому.

Nota Bene:

Расстояния по железнодорожному пути:

Отрожка-Графское — 30 вёрст, Усмань-Графское-Усмань — сорок. Дата рождения главного героя — 4 августа 1930 года. Описанные события происходили зимой одна тысяча девятьсот сорок второго года.

Наскоро

Голые кроны в нестойком загаре заката светятся мягким светом, будто улыбаются чему. И нет им дела до того, что уже лето. Им, неодетым в листву, хорошо и так. Качают головой, соглашаясь в чём-то с ветром, да щурятся свысока на пару воробьёв, чей первый выводок уже упорхнул из гнезда. Дело за вторым, а посему воробей опять приударил за своею дамой. Как есть - мужчина! Козявок ей носит, прямо в ротик складывает, дабы не растрясла любезная свою красу. Кормит её кормит, да нет-нет, а не удержится и расцелует. Ну и дама тоже не промах, вся из себя пышная, сдобная, аппетитная, не то уж на сносях. Распушила пёрышки, распахнула слегка, будто мягкий домашний халатик и позволяет над собой ухаживания учинять. Хотя и помалкивает покуда, само собой, бережёт до часу супруга, но когда и чирикнет, попеняет ти-

хонько, для проверить, насколько послушен её воле, всё ли в гнездо, нет ли чего мимо, а то и того хуже - на сторону.

Впрочем, воробей не таков, в непотребствах замечен не был, ибо - достойный семьянин: услужлив, предупредителен, верен²⁴, домовит. На то он домовый воробей и есть.²⁵ Однако ж ловок, как подобает всякому мужчине, и доверчив, иначе не сумел бы быть николи²⁶ влюблён.

...Кубышки на пруду зажимают кулачки почек и - «Марш, купаться перед сном!» Запасливые, прижимистые, запираются они на ночь. Полные их кувшины не для всех, как не для всякого накрытые шёлком воды столы.

Впереди — наскоро передышка ночи, а там уже вновь выпростается небо из белых лепестков облаков, распустится нежным синим цветком.

Смакуя каждое мгновение...

Часы стучат своим судейским молоточком и отправляется очередной исписанный листок времени к прежним, в стопку, заверенную Вечностью. И никакого тебе пересмотра де-

²⁴ сходство окраса самки полевого воробья с самцом домового воробья препятствует гибридизации видов

²⁵ самый распространённый вид воробьёв - Домовый воробей (лат.) *Passer domesticus*

²⁶ никогда

ла, всё окончательно и бесповоротно, любое, в коем согрешил, запятнало раз и навсегда. И... даже если прощён однажды, саднящее чувство недовольства собой портит всё дело.

— Да, кстати, ты в курсе, что это тоже грех?

— Что именно?

— Казниться, будучи прощённым.

— Ну, не знаю...

— Знаешь теперь.

И этот, почти непонятно откуда упрёк, когда ты почти уверен, из чьих он уст, возвращает к несколько утихшей уже, прежней скорби.

Глубокая, с отчаянием и слезами, она сменяется на тихую некогда грусть, а за нею, не отступая ни на шаг, семенит по-старушечьи понимание того, что минувшее не проходит вовсе, а ушедшие остаются рядом, лишь отступают в тень, сквозь которую можно видеть только сердцем.

— Ну, вот - опять.

— Да, и кажется даже, — горе ещё горче, ещё темнее печаль.

Не от того ли при случае, когда желается кому-то долго и маленькими глотками пить из чаши бытия, сердце тает на тихом, ровном пламени неподдельной искренности и наполняет чувством благодарности, что от непрямого последующего сострадания скоротечности жизни, вкупе с умением

простить все её несовершенства, в угоду одному лишь счастью - быть.

Отбивая каждые полчаса, часы не более, чем честны, не менее, чем проникательны. Они не доискиваются смысла прошлого, не загадывают его для будущего. Часы просто идут, смакуя каждое мгновение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.